

СОДЕРЖАНИЕ

СЛУЧАЙНЫЙ ШАГ	5
ПЕРВЫЙ ОЧАГ	271
НЕЖДАННАЯ КРОВЬ	535

СЛУЧАЙНЫЙ ШАГ

Меч с лязгом отбил очередной удар, и Беломир, шагнув в сторону, озорно усмехнулся. Понятно, что этот с грехом пополам сплюснутый лом к настоящему оружию имел очень отдаленное отношение. Но на подобных сходках иного и не предполагалось. Правила реконструкторы вырабатывали сами, исходя из собственных куцых познаний в уголовном кодексе. И все равно, даже зная о возможных последствиях, продолжали ковать оружие, делать доспехи и сходиться на импровизированных ристалищах.

Вот и Беломир свой лом ковал сам. Чего ему это стоило, отдельная песня, с весьма грустным припевом. Представители власти на подобные вещи реагировали весьма нервно. С чего, парень так толком и не понял. Ну какое по сути ментам дело до того, зачем и куда он несет эту железку? Ведь зарубить ею кого-то невозможно. Нанести увечье — тоже очень постараться надо. Если только со всей дури треснуть возможного противника по бестолковке. Но ведь и он не станет просто так на месте стоять.

Про ограбление с этим ломом и говорить смешно. Любой объект нападения от души посмеется. Лезвие-то никогда оселка не знало. Лом, он и есть лом. Сплюснутая в виде ромба в сечении железка. Бутафория. Одна радость, что хоть внешне на настоящий похож. В общем, препон и дурных историй со всем этим железом хватало. Но они все равно продолжали заниматься этим делом, воплощая в жизнь свои детские мечты.

Отбив очередной удар, Беломир пригнулся, пропуская чье-то оружие над головой, и, приставным шагом сместившись в сторону, быстро огляделся. Эта свалка, устроенная ими в последний день, была затеяна, только чтобы разрядиться и как

следует разогнать кровь по жилам. Правил тут не было никаких. Все рубились со всеми и просто от души веселились. Понятно, что без ушибов и синяков не обойдется, но это все ерунда. Заживет. Зато потом будет что вспомнить. Тем более что погода порадовала.

Легкий ветерок разогнал набежавшие с утра тучки, но в воздухе запах дождя все равно ощущался. Так что парни поспешили устроить баталию и закрыть сезон. Фиолетово-малиновое свечение Беломир заметил краем глаза, но понять, что это такое, не успел. Как не успел и понять, что за странный треск раздался рядом. Сильный удар пришелся по щиту, и его качнуло в сторону свечения. Дальше последовала вспышка, грохот, и навалилась темнота...

Тихий, давящий на мозг звон был первым, что он услышал. Не было ни верха, ни низа, ни вообще ничего. Темнота, пустота и только мерзкий тихий звон. А еще почему-то очень хотелось пить. Хотелось так, словно он неделю бродил по пустыне. Уловив краем сознания, что происходит что-то непонятное, парень попытался пошевелиться, но ничего не произошло. Совсем. Словно тела у него и вовсе не было. Никогда. А еще вдруг навалилась какая-то странная апатия. Ну, нет тела и нет. Не получается пошевелиться, и ладно. Все равно терять ему нечего.

А чего терять приютскому сироте, у которого всего имущества — это купленные на рынке шмотки, старенький компьютер да комната в общежитии, полученная вместо положенной по закону квартиры. Так что терять вправду было нечего. Да и комнату ту едва не выгнать у чиновников пришлось. Понятно, что положенную ему квартиру они давно уже продали, а бабки поделили, но и просто так сдать Беломир не мог. Вот и пришлось бодаться до упора. Он вообще не привык сдаваться. С самого рождения.

Так сложилось, что вся его жизнь была одним бесконечным боем. За жизнь, с чиновниками, со всякой прибалтненной сволохью, с духами во время войны на Кавказе. В общем, вся жизнь — борьба. Этот постулат он выучил, едва начав осознавать, кто он и где находится. А начиналось все очень весело. Однажды зимой пожилая супружеская пара отправилась в городской парк, со-

бачку выгулять. Вот та собачка и откопала в сугробе младенца примерно недельного возраста.

С тех пор Беломир терпеть не мог сырость и холод и очень любил собак. Имя свое он получил в больнице. Кто именно так отличился, парень не знал, но менять его, получая паспорт, не стал. Так и жил Беломир Кречет. Обычно подобным детям давали фамилии вроде Найденова, Находкина, а тут... Кречет. Впрочем, Беломиру она нравилась. Хоть чем-то отличался от всех остальных.

Дальше были дом ребенка, детский дом, техникум, где он получил профессию автомеханика. Армия, где восемнадцатилетних пацанов загнали на передовую, против матерых, тренированных боевиков. Помогла профессия. В армию он уходил, имея на руках не только профессию автомеханика, но еще и права с тремя категориями. В общем, после учебки, попав в войска, он с ходу получил старенький, потрепанный жизнью и очумелыми солдатскими ручками «Урал» и принялся возить все, что прикажут.

Трижды колонну с его машиной закрывали боевики, но бог миловал. Несколько дырок от пуль в кабине и замена досок в бортах, вот и весь ущерб. На самом Беломире ни царапины, хоть и не отсиживался он за спинами сослуживцев. Что-что, а стрелять он умел и любил. Так что имел в подтвержденных семь убитых боевиков. Не бог весть что, но никто не мог сказать, что он труса праздновал. А вот под конец службы не повезло. Ему было приказано вывезти из зоны боевых действий раненых, а колонну закрыли.

Понимая, что, остановившись, он обречет и себя и ребят на смерть, Беломир, теряя сознание, продолжал давить на газ, крутя баранку одной рукой. После, уже в госпитале, ему рассказали, что его «Урал» был отправлен под списание. Проще было утилизировать, чем восстановить. В самом парне оказалось три дырки. Два ранения были сквозными и одно слепым. Как он сумел доехать до госпиталя, не понимал никто. Ведь по всем правилам и понятиям он должен был истечь кровью уже на первом же километре.

Но бог миловал. А может, и черт постарался. В религиозных делах Беломир разбирался слабо. Жил по принципу «миновало, и ладно». В общем, из армии его списали с инвалидностью

и медалью «За отвагу». А еще с крошечной пенсией, на которую и ноги с голодухи протянуть недолго было. Но Беломир не был бы самим собой, если бы опустил руки. Привычка драться до последнего вырчила и тут.

Едва услышав, что его называют инвалидом, парень с головой погрузился в работу над собственным телом. До кровавой пелены в глазах, до юшки из носа от перенапряжения он работал над собой, возвращая телу прежние кондиции. А кондиции эти были неслабыми. Жизнь в приюте не сахар, так что постоять за себя было не блажью, а необходимостью. Так что разряд по рукопашному бою он получил одновременно с повесткой в армию.

Вернувшись в родной городок, Беломир с ходу вступил в противостояние с чиновниками и, добившись хоть чего-то, принялся искать работу. Но как оказалось, для бизнесменов человек с его послужным списком был персоной нон грата. Держать подобного бойца в черном теле не получится. Можно и оборотку получить. Так что Беломир, помыкавшись по всяким сервисам и автопредприятиям, отправился в гаражи. Там найти халтуру с его умениями и знаниями было проще. С той поры он работал только на себя.

Разобравшись кое-как с жильем и работой, парень задумался, чем занять досуг. Спиртное и клубы его не привлекали. Девушки предпочитали иметь дело с бизнесменами и бандитами, так что свободного времени хватало. Понимая, что без оружия в нынешних реалиях ходить значит наживать себе неприятности, Беломир сунулся было в милицию, за разрешением, но быстро сообразил, что это просто очередной способ заработать себе срок. Так что после недолгих размышлений занялся изготовлением холодняка.

Его после и выбросить не жалко, а если и найдут, то повесить железку на парня будет не так просто. Главное, пальчиков своих на железке не оставлять. Но сделать что-то убойное мало. Нужно еще и научиться им владеть. Так что бросать ножи, топоры, шила и тому подобные предметы он учился старательно. А когда познакомился с реконструкторами, то все стало еще проще. Благо среди них имелись люди, серьезно владевшие подобным оружием. Поэтому учиться Беломир не переставал. Как не переставал и заниматься собственным телом.

Крепкий, среднего роста брюнет, он выглядел спортивным, но не перекачанным, как всякие бодибилдеры и тому подобные качки. Скорее был жилистым и сбитым. Да и не нужны ему были рельефные мускулы. Не на сцене красоваться.

Так что отказ его тела подчиняться Беломир воспринял как очередной жизненный вызов. Усилием воли отогнав куда-то на задний план назойливый звон, парень сосредоточился на собственных ощущениях и первым делом попытался сжать кулаки.

Пока руки действуют, а голова соображает, ты полноценный человек. Так ему регулярно повторял в госпитале подполковник начмед, проводивший обследования. Вот парень и решил воспользоваться этим постулатом и первым делом занялся руками. Очень скоро сквозь все тот же звон и вдруг навалившуюся тошноту он ощутил, как руки начало колоть, словно он их отлежал. А после он уловил, что чувствует пальцы.

Обрадовавшись, Беломир попытался дотянуться сознанием до ног и вскоре ощутил уже знакомое покалывание. Отрешившись от жажды, парень сделал еще одну попытку пошевелиться, но неожиданно навалившаяся боль заставила его замереть и тихо застонать. А следом снова навалилась темнота.

* * *

Яркий свет заставлял морщиться и выжимал из глаз слезы, даже несмотря на то, что веки все еще были прикрытыми. Глухо застонав, Беломир дернул головой, пытаясь избавиться от этого слепящего света, но в следующую секунду застонал еще громче. Мышцы шеи затекли от долгого лежания в одной позе, и теперь их свело судорогой. Дергаясь, словно сломанная марионетка, парень кое-как перекатил голову и, глухо стоная, попытался приоткрыть глаза.

Первое, что он увидел, была трава. Ярко-зеленая, сочная, словно только пробившаяся. Осенью такой не бывает. Эта мысль заставила парня еще шире распахнуть глаза и, скосив их вбок, попытаться рассмотреть что-то еще. Но ничего, кроме все той же травы, рассмотреть не получалось. Сообразив, что что-то идет не так, Беломир попробовал опереться на локти и подняться, но получилось только слабо дернуть руками.

— Да какого хрена тут вообще происходит? — прохрипел парень пересохшей глоткой. — Это что, меня во время битвы так приложили, а потом просто бросили? Фигня, парни бы так не сделали. Хоть до палатки, но дотянули бы.

Сделав еще одну попытку подняться, он с грехом пополам перекатился на бок и принялся собираться в кучу, словно складной метр. Сначала согнул ноги, подтянув их поближе к торсу. Потом справился с руками, переложив их так, чтобы можно было попробовать хоть как-то опереться. И последним этапом стала попытка подняться хотя бы на колени. Дважды он заваливался на бок, так и не сумев утвердить туловище в устойчивом положении.

На третий раз, с помощью стонов и мата, это получилось. Проблем доставлял и надетый на него доспех. Понятно, что бу-тафория, но сделана она была из настоящего железа. Так что весила немало. Утвердившись на коленях, Беломир уперся руками в землю и медленно, в буквальном смысле со скрипом, кое-как выпрямился. Вскинув голову, он старательно проморгался и, сфокусировав взгляд на ближайшем окружении, удивленно проворчал:

— Не показалось. Точно, трава как весной. Хрень какая-то. А где я вообще? На сборе такого поля не было, — бурчал он, медленно вытягивая шею, чтобы рассмотреть то, что находилось дальше.

К удивлению парня, трава уже вымахала почти по колено, так что его старания были не напрасны. Подняв голову выше этой поросли, Беломир вдруг понял, что оказался совсем не там, где был. Перед ним расстилалась бескрайняя степь. Такая, какой ее описывают в книжках и рисуют художники. Книжки парень любил и всякую фантастику читал регулярно, словно подсознательно готовился к какому-то большому изменению в своей жизни.

Он вообще считал, что очень опоздал родиться и это время не его. Ему, как человеку, привыкшему рассчитывать только на себя, гораздо ближе были старые времена, дикие просторы, где человек стоил ровно столько, сколько умел он сам. Понятно, что все это были детские мечты, но мечтать о путешествиях и приключениях было так увлекательно. А что еще делать мальчишке в приюте?

Убедившись, что глаза его не обманывают, и вокруг действительно расстилается степь, Беломир растерянно хмыкнул и, со скрежетом подняв руку, старательно почесал в затылке. Рука парня наткнулась на что-то мягкое и колючее, а пальцы, когда он опустил руку, были покрыты налипшим пеплом.

— Не понял. А это что еще за фигня? — проворчал он, растирая пальцами пепел.

Проведя ладонью по голове еще раз и получив точно такие же ощущения, парень внимательно рассмотрел руку и, охнув, сообразил:

— Твою мать! Похоже, я все волосы сжег. Но как? Ладно, это потом.

Сидеть на одном месте и вправду было не самым умным занятием. Ему дико хотелось пить. К тому же солнце начало пригревать, и в доспехе становилось жарко. Но снимать с себя это железо Беломир не торопился. Как ни крути, а нести все это на себе гораздо проще, чем тащить в руках. А просто бросить не позволяла бережливая натура. Ну не привык он своими вещами разбрасываться, особенно теми, за которые плачены серьезные деньги.

Рассматривая руки, он заметил и еще кое-что. На кирасе и наплечнике виднелись какие-то странные следы. Словно по доспеху прошлись чем-то вроде газового резака. Дырок не было, но железо заметно повело. Отсюда и возникал тот самый неприятный скрежет, когда он пытался шевелиться. Убедившись, что впереди только степь, Беломир решил посмотреть, что находится позади, и, опираясь на руки, принялся медленно разворачиваться. Вставать он пока не решался. Голова кружилась и крепко мутило. Да и конечности заметно дрожали, словно пьянствовал не меньше недели.

Развернувшись, парень осторожно выпрямился и, вытянув шею, радостно улыбнулся. Примерно в паре сотен метров от него начинался какой-то перелесок, с густым подлеском. Еще в армии ему много раз повторяли, если есть подлесок, обязательно где-то рядом найдется и источник воды. В крайнем случае можно выкопать яму, в которой через какое-то время появится вода. Там, где есть подлесок, вода находится неглубоко. Насколько это правда, проверять не приходилось, но слова эти он запомнил крепко.

Понимая, что нужно уходить с открытого пространства, пока не испекся в собственном доспехе, Беломир с грехом пополам поднялся на ноги и, убедившись, что стоять как-то получается, сделал осторожный шаг вперед. Само собой, его повело в сторону, но он умудрился не упасть. Голова снова закружилась, а в глазах помутилось. Переждав приступ слабости, парень мотнул гудящей от боли головой и сделал еще один шаг. На этот раз все прошло гораздо легче.

Шагая, словно сломанная игрушка, Беломир медленно, но верно приближался к рощице. Что там за деревья росли, его интересовало в последнюю очередь. Главным сейчас было найти воду. Неважно какую. Пусть даже лужу. Он сейчас и на такое согласен. Примерно через полчаса, буквально завалившись в кусты, Беломир с блаженным стоном прижался лицом к влажной земле и еле слышно прошептал:

— Сюда добрался и дальше дойду. Не дождетесь.

Отдышавшись и слегка остыв, снова поднялся на ноги и, прислонившись плечом к ближайшему дереву, принялся вслушиваться в звуки, разносящиеся по перелеску. Негромко шелестела молодая листва, чирикали какие-то пичуги и еле слышно посвистывал ветерок в ветвях. В общем, настоящая пастораль и благолепие. Усмехнувшись собственным мыслям, Беломир осторожно оттолкнулся от дерева и шагнул к следующему.

Двигаться без поддержки или опоры было слишком тяжело. Обойдя какой-то раскидистый куст, он остановился, чтобы отдышаться, и тут же услышал едва заметное журчание. В этот момент для Беломира это был самый приятный звук на свете. Так могла журчать только вода в роднике. Покрутив головой, парень определился с дорогой и сделал шаг в нужном направлении. Еще минут через пять, упав лицом в крошечный родничок, Беломир, захлебываясь, глотал чистую холодную воду.

Напившись до одури, парень медленно перекатился на спину и, уставившись в кроны деревьев бездумным взглядом, тихо проворчал:

— Одну проблему решили. Теперь надо понять, куда меня занесло.

В том, что его куда-то переместили, пока он был без сознания, Беломир уже не сомневался. На том поле, где они с парня-

ми организовали себе ристалище, таких рощ и родников точно не существовало. Как не было и такой свежей высокой травы. Старый, пожухлый бурьян, который бывает в полях осенью, — вот что первым бросалось в глаза. В общем, что-то тут было не так, но что именно, еще предстояло разобраться.

Ощувив, что выпитая вода благоприятно подействовала на его организм, Беломир с кряхтением поднялся на ноги и, отойдя от родника на несколько шагов, решил заняться важным делом, то есть осмотреть свой доспех.

И только тут до него вдруг дошло, что во все еще сжатом кулаке он продолжает удерживать рукоять своего меча. Как оказалось, все это время он действовал только левой рукой, подсознательно веря, что в правой имеется оружие. Удивленно хмыкнув, парень подивился вывертам собственного подсознания и, поднеся рукоять к лицу, принялся осматривать оставшийся обломок. И только рассмотрев внимательно оставшийся огрызок, удивленно охнул.

Металл клинка был не обломан, как можно было ожидать, а оплавлен, словно его сунули в мартеновскую печь. Отложив обрубок, Беломир начал осторожно снимать с себя доспех. Застежки на правом боку скукожились и сжались так, словно им лет двести. Так что расстегивать кирасу пришлось только с левого бока. Кое-как выбравшись из этого панциря, парень бросил его на траву и, развернув, принялся осматривать повреждения.

С первого взгляда стало понятно, что доспех и вправду подвергся воздействию высокой температуры. Откуда она взялась — дело десятое. Сейчас было гораздо важнее понять, можно ли им вообще пользоваться. Зачем? Да как бы правильно объяснить? Ну, вот было у парня такое чувство, что его приключения еще не закончились. А в этом железе он даже от вооруженных бейсбольными битами беспредельщиков отбиться сможет. Главное, башку не подставлять.

А таких уродов по стране хватало. В этом его давно уже убедил собственный опыт. Ну не живется некоторым людям спокойно. Не нравится им, что кто-то может не только ханку жрать и шмаль курить, а еще и чем-то полезным увлекаться. В общем, все это железо еще очень может пригодиться. Сняв

с себя поножи и наручи, Беломир задумчиво потерябил пальцами короткую кольчугу и, вздохнув, принялся аккуратно ее стаскивать.

Двойного плетения, со сварными кольцами, кольчуга эта была его самым дорогим атрибутом. Заказывал у настоящего мастера своего дела, и обошлась рубашечка очень недешево. Зато на теле лежала словно вторая кожа и движений никак не стесняла. Мастер, чтобы убедить его в качестве своей работы, даже надевал ее на деревянную колоду и лично лупил по кольчуге топором. Кольца гнулись, плющились, но не ломались. Так что денег своих она стоила.

Стянув с себя поддоспешник, Беломир задумчиво осмотрел свое правое плечо и, убедившись, что кожа не пострадала, снова отправился к роднику. Обмывшись ледяной водой и обсохнув, парень вывернул поддоспешник наизнанку и повесил его на солнышко, проветриться и подсохнуть. Разобравшись с доспехом, он в очередной раз задумчиво огляделся и, вздохнув, растерянно буркнул:

— Блин, вода есть, а ведь скоро еще и жрать захочется. Куда ж меня занесло? Блин, узнаю, точно кому-нибудь рыло начищу.

Понимая, что оказался в не самой простой ситуации, парень принялся инспектировать содержимое собственных карманов. Курить он никогда не курил, но зажигалку с собой носил. Но на ристалище предпочитал брать не ее, а настоящее кресало. Понятно, что заводского изготовления. С пластиковой рукояткой и железкой вместо напильника, с острыми гранями и семисантиметровой линейкой. Но в его ситуации это было настоящим богатством.

Самое неприятное заключалось в том, что из-за всех ментовских ужимок они с парнями даже нормальных ножей с собой не возили. Перочинники длиной в палец, не больше, да и те приходилось на время боя оставлять в лагере. Так что ничего хоть как-то режущего у реконструктора при себе не имелось. Проще говоря, у него вообще ничего кроме кресала не было. Даже кошель с бутафорскими монетами куда-то делся. На поясе остались только обгорелые обрывки кожи, которыми он туда и крепился.

Испустив очередной тяжкий вздох, Беломир почувствовал, что больше не может ничего делать. Устал так, словно вагон угля вручную разгрузил. Сняв с куста высохший поддоспешник, парень оделся и, устроившись под раскидистым кустом, уснул, подложив под голову кирасу. Не мягко, не очень удобно, зато при себе и так просто не сопрут. Кто мог позариться на кусок железа в чистом поле, он и сам не представлял, но бросать свое просто так даже не думал.

Уснул Беломир едва не быстрее, чем успел устроиться. Но в этот раз спал спокойно и без сновидений. Главное — спокойно. Так, как когда-то в детстве, в доме малютки. Пару раз проснувшись, чтобы оправиться и попить воды, он снова проваливался в сон, едва успев положить голову на кирасу. Организм его словно сам знал, что именно нужно делать, чтобы побыстрее прийти в себя после всего случившегося.

* * *

Проснулся он от звучного урчания собственного желудка. Открыв глаза, Беломир медленно сел и, зябко передернув плечами, длинно, с повизгиванием зевнул. Несмотря на жаркий день, ночь была еще холодной. Ощущение, что он вдруг оказался в ранней весне вместо осени, не обманывало. Во всяком случае, погода соответствовала. Поднявшись, парень дошел до ручья. Там умывшись, оправился и, прислушиваясь к голодным руладам собственного желудка, мрачно проворчал:

— И куда теперь? Блин, как же жрать хочется...

Испустив очередной тяжкий вздох, парень напился впрок и, собрав снятое накануне железо, двинулся вдоль родника, по течению. Постулат был прост. Все родники впадают в ручьи, ручьи — в реки, а реки — в озера или моря. Так что, рано или поздно, к какому-нибудь жилью он все равно выберется. К тому же у ручья или реки добыть хоть какое-то пропитание будет проще. Кресало есть, значит, без огня он не останется. Остальное — дело техники и собственных навыков.

Плохо, что стоит ранняя весна. Найти в лесу орехи или ягоды невозможно. Зато зверье увлечено инстинктом продолжения рода и не так внимательно, как в любое другое время года. Да и рыбу в крупной водной артерии поймать не так сложно, как

кажется на первый взгляд. В общем, что-нибудь да получится. Подбадривая себя такими мыслями, Беломир шагал вдоль родника, вслушиваясь в окружающую обстановку.

Часа примерно через полтора парень добрался до очередной опушки и, остановившись, принялся осматриваться, прикидывая, куда двигаться дальше. Открытая местность почему-то вдруг показалась ему небезопасной. Откуда взялось это ощущение, он и сам не понимал. Просто вдруг понял, что вылезать в степь не самое умное дело. Чуйке своей Беломир привык доверять. Именно она несколько раз спасала его прежде.

Сложив исковерканный доспех у ног, парень, приложил ладонь ко лбу козырьком и всмотрелся вдаль. Что вдали происходило, разобрать было невозможно, но поднятая пыль ясно говорила, что там не все так просто. Чуть подумав, Беломир поднял с земли свою кольчугу и, тихо выругавшись, принялся надевать ее. Зачем? Да самому бы знать. Но вот было у него ощущение, что делает он это не напрасно. Расправив кольца, он перетянул кольчугу широким поясом из толстой кожи и, пошевелив плечами, с довольным видом буркнул:

— Вот недаром деньги отданы. Как по мне сработано.

В очередной раз покосившись на доспех, парень задумчиво хмыкнул и, покрутив шеей, начал медленно разминаться, разгоняя кровь по жилам. Вот не хотелось ему вылезать из этого лесочка. Не хотелось, и все тут. К тому же те самые пылевые столбики, медленно, но верно приближались, так что немного задержаться на опушке было бы не лишним. Разминаясь, Беломир не сводил взгляда с поднятой кем-то пыли.

Убедившись, что тело работает, а голова почти не болит, парень в очередной раз вздохнул и, спустившись к ручью, не спеша напился. Ну не хотелось ему выходить. Почему? Беломир и под пыткой бы объяснить не смог, но уверенность в том, что поступает правильно, была почти абсолютной. Вернувшись к брошенному железу, парень в который уже раз отыскал взглядом пылевые столбы и, всмотревшись, растерянно вздрогнул.

Основная масса пыли находилась за невысоким, широким холмом, а вот из-за него выбегало несколько фигур, следом за которыми неторопливой рысью двигалось два всадника. И все бы ничего, но вот всадники эти были очень похожи на

степняков, какими их изображали во всяких исторических хрониках. Подробностей из-за расстояния было не разобрать, но круглые щиты и легкие пики Беломир увидел сразу. Всадники не спеша двигались следом за бежавшими людьми, то и дело поигрывая своим оружием, словно пугая их.

— Не понял, это чего за хрень такая? — удивленно произнес Беломир, напрягая глаза и пытаясь понять, что вообще происходит. Даже в их отвязанной тусовке подобных игрищ не случалось. Да, бились порой жестко, до синяков и переломов, да, случались всякие эксцессы, но гонять верхом безоружных никто даже не пытался. Не для того они собирались.

Тем временем бежавшая группа выскочила к ручейку и понеслась по его берегу к перелеску. Решив не вылезать раньше времени, Беломир отступил за дерево и быстро осмотрелся в поисках хоть чего-то, что могло бы заменить ему оружие. Ну не верил он, что все обойдется мирно.

Нюх на неприятности у бывшего детдомовца был не хуже, чем у ищейки. Приметив голыш размером чуть меньше его кулака, парень подобрал его и, недолго думая, сорвал с себя пояс. Широкая кожаная лента легко могла заменить пращу, а пользоваться этим оружием Беломир Кречет умел. Специально учился. Как научился пользоваться и луком, и арбалетом, и вообще всем, что приходилось приметить на сходках реконструкторов. Не сказать, что профи, но и сам себе по макушке не заедет.

Уверенный середнячок, у которого ко всем этим навыкам имелся и разряд по рукопашному бою, и опыт выживания в приюте. Уж чему-чему, а драться насмерть его приучили крепко. Тем временем беглецы вломились в перелесок и с треском кинулись дальше. Всадники, чуть прибавив аллюра, подъехали к самой кромке, и один из них, привстав в стременах, взмахнул пикой, готовясь бросить ее в кого-то из беглецов.

Шагнув вперед, Беломир пару раз взмахнул пращей и, примерившись, резко выбросил руку вперед, одновременно отпуская край ремня. Увесистый голыш с глухим стуком ударил всадника в открытый бок, выбрасывая его из седла. Понимая, что на второй бросок времени и припаса нет, парень бросил ремень и ужом ввинтился в кусты, бросившись бежать. Но не от противника, а к нему. Убежать от степняка, даже если он